

Егор Зайцев:

ХОЧЕШЬ БЫТЬ БРИТОГОЛОВЫМ — БУДЬ ИМ

— Егор, вы сказали, что живете по бандитским законам.

— Законы дна справедливее всех остальных. Я всю юность метался между институтом и романтикой такой воровской. Встречался с уголовниками, со страшными людьми, жил в подвалах в Центре, девять лет появлялся в Яме. Я видел реальный мир. Дно. Знал всех: и воров, и бандюг всяких. Этот подземный мир был мне намного интереснее, чем тот фальшивый иллюзорный, в котором вращался мой отец, где люди улыбались друг другу, а за спиной говорили гадости, легко могли предать. Поэтому я в свое время пришел к Хирургу и к «Ночным волкам». Волк — благородное животное, поэтому он и уходит в леса, подальше от людей.

— А против чего вы протестуете?

— Против фальши. Еще очень не люблю, когда меня ограничивают в моей жизни. Учат как ходить, говорить, одеваться. Все это я пережил на своей шкуре. Я застал общество лицемерия. И считаю, что наши родители, извините за слово, просрали «оттепель». Они могли ее вытянуть. Мы же вытянули свой 91-й год! Сейчас говорят — трагикомедия, а я две ночи простоял на баррикадах. И в 93-м тоже, уже у Моссовета. Свою свободу не отдам, хотя бы из-за того, что два года назад, когда на Воробьевых горах у нас было открытие мотосезона, над всем городом реял огромный 9-метровый флаг с символикой «Ночных волков». Я горд этим. Так же как и группой «Крематорий», которая начиналась в квартирах под портвейн, а сейчас считается культовой командой.

— Егор, а что для вас свобода?

— Во-первых, это «быть свободным и не мешать быть свободными другим», а во-вторых, свобода выбора, свобода мнения. Хочешь быть бритоголовым — будь им. Только если встретишься мне на пути со свастикой на лбу — набыю рожу. А так — имеешь право.

Во время столь суровых разговоров мы поедем порошковые кембриджские коктейли. Нельзя сказать что коктейль клубничный имеет потрясающий вкус, однако вполне ничего.

— Значит, вы продолжаете ездить на мотоцикле и не любите конформистов. А как видите свое дальнейшее развитие?

— Работать и оставаться собой. Это Карден говорил: «Самое большое мужество заключается в том, чтобы сохранить свой стиль и оставаться самим собой». Конкретных планов у меня нет. Работать. Бог все видит и воздаст по заслугам.

— Егор, я читала ваши старые интервью: в 30 лет вы все еще оставались холостым юношей. Сейчас вам 36...

— Я и теперь холостой.

— Ваша семья это кто?

— Я, папа, мама... Еще у меня есть дочка.

— Я хотела спросить про моду и про разделение труда в Доме моды.

— У меня более молодежный уклон, я художник своего поколения. Хотя и Вячеслав Михайлович продолжает делать молодежные коллекции. Когда я рисую, ориентируюсь на свое настроение, на музыку. Никогда не оглядываюсь на себя — одел бы я это или нет. Я ношу другие вещи. Вообще мало кто из художников ходит в своем.

— Каверзный вопрос: а вы примеряете модели из своих коллекций?

— Примерить-то я могу по прихоту. Но, во-первых, я прекрасно осознаю, что мои данные не подходят для манекенщика — я маленький, лоб у меня высокий. А во-вторых, я люблю черную цветовую гамму, а у меня в коллекциях много яркого. Надевать на меня коллекционные модели, что на корову — седло. Не той я породы.

— Егор, расскажите про ситуацию в модельном бизнесе.

— Это сейчас один из самых грязных видов бизнеса. На нем греют руки многие дельцы. Идет

Наш сегодняшний собеседник

Егор Зайцев —

главный художник

и вице-президент Дома моды

Вячеслава Зайцева — интересен

не только тем, что он модельер и сын патриарха отечественной моды. Егор Вячеславович, недавно отметивший 15-летие своей творческой деятельности, передвигается по родному городу на мотоцикле. Он байкер и «ночной волк».

Однако байкерский образ жизни совсем не исключает поездки в Париж, из которого Егор вернулся совсем недавно, а также кембриджской диеты, на которой наш герой сидит уже несколько месяцев. Про особое питание Егор предупредил меня сразу. Перед глазами возникла тоскливая картина — тарелка мокрых овсяных хлопьев.

Бр-р-р! Созвучно времени, но не очень съедобно.

Поэтому, когда в своем кабинете вице-президент предложил на выбор шоколадный или клубничный коктейль, которые и составляют

его двухразовое питание, картинка переключилась на более радужную. Но говорить мы стали не о клубнике и шоколаде, речь зашла о... бандитских законах.

поставка девочек клиентам. Единственные два агентства, сохранившие хорошее имя — это наше и «Ред Стар». Больше никуда не советую девочкам идти. Но и к нам они должны прийти уже товаром. А то некоторые думают, что здесь им помогут голову и подтянут зад. Ничего подобного! Надо ходить в тренажерные залы, делать массаж, вместо того, чтобы переезжать из одного ночного клуба в другой, жрать экстази и нюхать кокаин, потом проснуться в 6 вечера и снова отправляться на ночные гулянья.

— Егор, а как вы отдыхаете и где вы чувствуете себя комфортно?

— Среди друзей, которых очень мало. В байкерской тусовке. Ненавижу эстетствующую продвинутую молодежь. И всю кислотную публику. Моё нормальное состояние — одиночество. Я к этому пришел. Потому что даже с родителями, единственными близкими людьми, я могу поругаться совершенно без повода.

Наша беседа над исчезающими коктейлями снова возвращается в мир модельного бизнеса. Этот мир ужасает. Наркотики, алкоголь и мясо разрушают юность хрупких суперкрасавиц. Мы обсуждаем проблему мясоедства и приходим к выводу, что мясо — вещь вполне достойная. «А вот во Франции все подсели на рыбу», — сообщает Егор, — едят на закуску, на второе и говорят, что хорошо усваивается».

— Я хотела спросить про Париж, который все время возникает в нашем разговоре.

— Столица Франции. Я бы сказал, что у нас на эскалаторе за один раз встретишь больше красивых лиц, чем за неделю ходьбы по Парижу. Все как-будто из сэконд-хэнда. Причем ведь в сэконд-хэнде со вкусом можно одеться, сделать себе гранж — все мягкое, линялое, многослойное. А все французы выглядят, как какой-нибудь советский завхоз — пиджак короткий, брюки засаленные, причёска не пойми какая,

весь в перхоти, да еще с усами провинциальными. Кроме негров, смотреть не на что. Негры классные. Даже в негритянку влюбился там в магазине. Они ближе к эlegantным животным — к пантере, гепарду. Мы ближе к овцам, козлам и коровам, особенно женщины, которые за собой не следят. Вот наше стадо, и рядом пробежит стая гепардов или рысей. Есть разница? Одеваются в специальных магазинах для негров — все яркое, вышитое. Битлы, окажись они там в период своих хиппистских настроений, просто обалдели бы. Арабы похожи на наших кавказцев. Одеваются, как азербайджанцы. Белые носки, черные рубашки, костюмы, очки, голда.

В Москве сейчас больше внимания уделяют внешней стороне. Тут это престижно, а там уже плюнули. Раньше французы все возмущались — вот американцы шубу с кедами носят! А сами уже почти такие же. У нас же все стареется. Бутиков пооткрывали. На Кузнецком зашел в «Версаче» — там на манекене брюки задом наперед одеты. Два манекена стоят, а третий рядом почему-то висит — 20 сантиметров от пола. Валентино тоже открыл бутик. Сразу все 10 платьев по 12 тысяч долларов новые русские разобрали. Теперь будут ходить с одинаковыми женщинами.

— Егор, а что в Париже модно, я имею в виду, конечно, отличную моду. Что нынче хит?

— Хит... Женщины-блондинки все подстрижены под Диану! Почему-то немолодые женщины носят распущенные волосы. Получается — сзади пионерка, спереди — пенсионерка. Женщины ходят в брюках и в брючных костюмах, у кого есть пузико, не прячут. Не стесняются живота. Какой-нибудь дедуля может в трусах идти. Нет комплекса одежды, полная раскрепощенность. Они об одежде и не думают. Даже странно, что это — столица моды.

Яна СОКОЛОВА

Фото Лены ОРЛОВОЙ